

Налоги и революция

1922, источник: [здесь](#).

„Борьба между стремлением государства брать больше и стремлением подданных давать меньше — проходит решительно через всю финансовую историю европейских народов с различными результатами“. Этот исторический закон, открытый проф. И. Янжулом, так сказать, невзначай, — он напечатан в его „Основных началах финансовой науки“ (3-е изд., стр. 208) мелким шрифтом, как нечто второстепенное, — имеет весьма важное значение для понимания тех обостренных периодов борьбы подданных с государством, которые называются революциями.

„Французская революция 1789 года, — свидетельствует тот же автор, — одной из важнейших причин своего возникновения имела непомерное отягощение народа различными поборами в пользу фиска“.

Так как всякая более или менее значительная и длительная война вызывает истощение материальных средств государства и увеличение налогового бремени, то отсюда понятно, почему за большими войнами столь часто следуют революции в странах, терпящих поражение и тем самым теряющих кредит, дающий государству смягчать тяжесть налогов их рассрочкой на более или менее длительный промежуток времени.

Так было в России в 1905 году, то же самое повторилось в феврале и в октябре 1917 года.

Лучшее средство для предупреждения революции, или для ее подавления, это — открыть для пошатнувшегося правительства достаточный кредит.

С другой стороны, нет сомнения, что большинство политических свобод, которых добиваются революциями, направлены к тому, чтобы дать возможность подданным — устной и печатной критикой, агитацией, вольными соединениями в общества и союзы, — лучше бороться с государством за уменьшение налогового бремени.

Можно даже безошибочно утверждать, что идеалом всякой народной революции является сокращение налогов до высшей степени, вплоть до их сведения на нет.

Исход революции, поэтому, нужно оценивать не по трескучим фразам политических деятелей, захватывающих власть, и не по многообещающим законам, а по степени действительного уменьшения налогов.

Великая Французская Революция велика не столько „декларацией прав человека и гражданина“, сколько отменой самого чудовищного из налогов — соляной монополии и целого ряда других вопиющих поборов.

Революция, ставшая на путь увеличения налогов, клонится тем самым к вырождению.

Что представляют из себя налоги?

„Каждый общественный писатель подменивал своими личными фантазиями наблюдение явлений, — отвечает на этот вопрос Леруа Болье. — Налоги просто-напросто дань, то явная, то скрытая, которую общественная власть требует от жителей или с имущества, чтобы покрыть расходы правительства. Хороши ли эти расходы или плохи, правильно задуманы или нет, делаются ли они для пользы всех или для выгод небольшой кучки, эти различия могут иметь хозяйственные и общественные последствия, но они ничего не меняют в материальной сущности налога. Рассматривая, например, такое государство, как Турция, где почти вся выручка от налогов идет на уплату иностранным кредиторам и на содержание роскоши двора, скажут ли, чтобы подданные Оттоманской Империи не платили налоги, потому что они не пользуются, так сказать, суммами, которые правительство требует с них? Это оскорбило бы здравый смысл, или извратило бы французский язык, если не давать название налога всякой правильно взыскиваемой подати с жителей или с имущества для расходов правительства установленными в стране властями“ (Traité de la science des finances, P., 1896, 5-me éd., p. 148).

После столь беспристрастной и до циничности откровенной оценки сущности налогов корифеем так называемой „финансовой науки“, как мы далеки от определения, данного налогам Адамом Смитом, Рикардо и последующими экономистами будто „налоги, это доля расходов на общественные службы, требуемая с каждого гражданина“, — определение, под которым с поразительной непоследовательностью подписывается и сам Леруа Болье (упом. соч., стр. 147).

Налоги взыскиваются, следовательно, для расходов правительства, каково бы оно ни было. И, очевидно, эти расходы никогда не бывают ни хороши, ни правильно задуманы и не делаются для пользы всех, что подданные, с непреложностью природных законов, постоянно борются за их уменьшение.

„Если бы мы имели время и возможность бросить взгляд на общую финансовую историю европейских стран, то увидели бы, какие разнообразные злоупотребления, какие нарушения выгод различных классов народа, какие ошибки в экономической политике могут быть следствием неумелой или ошибочной организации налогов. Революции, войны, междоусобия за последние два столетия бывали очень часто вызваны ни чем иным, как непосильною тягостью и неравномерностью налогов; история представляет массу случаев, где под влиянием дурной налоговой системы одни государства быстро приходили к упадку своей промышленности и политической самостоятельности, как другие — массой акцизов тормозили развитие своей экономической жизни, как третьи — своей нерасчетливой политикой в духе крайнего фритредерства или, наоборот, слепого протекционизма разрушали туземную промышленность и подрывали народное благосостояние; словом, много бы пришлось потратить времени для того, чтобы дать хотя бы беглый очерк тех бедствий, которые были вызваны этим источником финансового хозяйства“.

Порядок взимания налогов изменился, но сущность их осталась та же.

„Вообще в разных странах облагали некоторые товары, почти везде одни и те же, — говорит Леруа Болье, — просто-напросто потому, что они потреблялись в очень большом количестве и притом их легко было настичь фиску: вот две причины, по которым были введены и сохранились налоги на некоторые продукты. Это особенно верно по отношению к соли, которую можно добывать только при определенных условиях, или на берегу моря, или в копях; это верно по отношению к сахару, который некогда производился вне пределов Европы; это также относится к табаку, который экзотического происхождения. К этим соображениям примешивают иногда другие, как вредное действие некоторых предметов потребления на здоровье или на общественную нравственность, например, табака и водки; законодатель в таком случае выставляет себя стражем гигиены и нравов. Но эти соображения имеют очень второстепенное значение, они выдвигаются после установления налога: законодатель ими пользуется, чтобы скрыть грубый факт, а именно, что эти продукты были обложены просто потому, что природа их производства давала фиску возможность легко их настичь“ (упом. сочин., стр. 762–763).

„Косвенное обложение представляет почти единственное средство — пишет тот же буржуазный автор с присущей ему откровенностью, — извлекать сколько-нибудь значительные налоги у малоимущих и у рабочего люда“ (там же, стр. 363).

Если обложенный косвенными налогами продукт „составляет предмет первой необходимости, то... как показывает статистика, бедные классы потребляют таких предметов больше, нежели классы богатые, отчего происходит обратная пропорциональность обложения“, — подтверждает и развивает тот же взгляд французского экономиста проф. Янжул (упом. соч., стр. 358).

А так как косвенные налоги вводятся именно на продукты широкого потребления, потому что только в этом случае они могут дать значительные доходы (что составляет цель всякого налогового обложения), — и если учесть факт, что доходы от косвенных налогов в разных странах обыкновенно в 2–3 раза превышают прямые налоги (в России они давали в 5 раз больше прямых), то станет ясным, что теперь, как и до Великой Французской Революции, вся тяжесть налогов в конечном счете ложится на бедный, живущий своим трудом люд, на черную кость.

После всего изложенного понятно, почему „всякой системе мало-мальски значительных налогов, — по признанию того же буржуазного экономиста Леруа Болье, — присуща неустранимая доля неравенства, произвола, притеснений“ (упом. соч., стр. 302).

Мало того. Произвол, притеснения и неравенство составляют самую сущность налогов. Те, кто усматривают „высшие цели“ существования государства в содержании общественных служб и этим обосновывают ее право взыскивать налоги, следовало бы обратить внимание на то явление, что действительно полезные общественные службы не только не содержатся за счет государства, но сами являются источником доходов для него. Таковы, например, почта, телеграф, железные дороги, выпуск денег; даже средняя и высшая школы во Франции приносят государству доход.

Если правительства все свои доходы из разных источников сливают в общее казначейство и затем составляют роспись расходов (при чем на действительно общепользные нужды, как народное просвещение, выделяют сравнительно ничтожную долю из общей суммы), то это делается единственно с целью скрыть от плательщиков налогов, под предлогом общественных служб, расходы в пользу частных, партийных и классовых интересов.

Общественные службы не были созданы государством, чтобы в них видеть „высшие цели“ его существования. Государство лишь завладело ими из корыстных видов или для укрепления своего могущества, причем более или менее извращало их начальные задачи и мешало их свободному развитию.

Зарождение общественных служб не только предшествовало государству, но восходит к возникновению общительности вообще. Зачаточные виды удовлетворения общих потребностей совместными усилиями, т.е. общественных служб, наблюдаются во множестве в животном мире.

Объединения их для самообороны, для добывания пищи, для игр, для забот о потомстве общеизвестны и до бесконечности разнообразны; караваны четвероногих и птиц для переселений и перелетов организовывались задолго до наших железнодорожных поездов.

Типичный пример удовлетворения общих потребностей совместными усилиями приводит Кропоткин из жизни пеликанов; „эти неуклюжие птицы проявляют замечательную организацию и смышленность. Они всегда отправляются на рыбную ловлю большими стаями и, выбрав подходящую губу, составляют широкий полукруг, лицом к берегу; мало-помалу полукруг этот стягивается, по мере того, как птицы подгребаются к берегу, и, благодаря этому маневру, вся рыба, попавшая в полукруг, вылавливается. На узких реках и на каналах пеликаны даже разделяются на две партии, из которых каждая составляет свой полукруг, и обе плывут навстречу друг к другу, совершенно так же, как если бы две партии людей шли навстречу друг к другу с двумя длинными неводами, чтобы захватить рыбу, попавшую между неводов. С наступлением ночи пеликаны улетают на свое обычное место отдыха — всегда одно и то же для каждой отдельной стаи — и никто никогда не видал, чтобы между ними происходили драки из-за того или другого места рыбной ловли, или места отдыха. В Южной Америке пеликаны собираются стаями до 40.000 и до 50.000 птиц, часть которых наслаждается сном, в то время как другие стоят на страже, а часть отправляется на рыбную ловлю“ („Взаимн. Помощь“, М., 1913, стр. 27-28).

Тут мы видим пример организации трех общественных служб: общественного питания, соблюдения общественного порядка и охраны общественной безопасности. Подобные наблюдения над зарождением общественных служб и общественного порядка у животных можно было бы умножить до бесконечности. Они доказывают, что подобно тому, как „общество не было создано человеком; оно предшествовало человеку“ (Кропоткин, упом. соч., "стр. 49), так и общественные службы не были созданы государством, они предшествовали ему.

То, что является отличительной чертой объединения личных усилий для создания общественных служб при зарождении последних у животных, это — добровольный и целевой характер. Животные не неволят друг друга к участию в общей самообороне, к добыванию пропитания совместными усилиями, к общим играм и совместному воспитанию потомства, к передвижению стаями или стадами. Те же свойства присущи общественным службам в человеческих обществах до утверждения в них государственного начала.

Налоги, или, вернее, взносы на общепользные нужды, вначале носили добровольный и целевой характер и испрашивались королем у сословий; „...они всегда имели назначение для известной, определенной цели и утверждались на короткий срок“ (Янжул). О „суверенности“ современной государственной власти не было и помину. Сословия, т.е. организованные в профессиональные союзы классы, могли отказаться от предлагаемых услуг военного цеха с королем или князем во главе, и не платить испрашиваемых средств. Тогда не существовало еще безраздельного господства военного цеха над всеми остальными сословиями, переродившееся с течением времени в то, что называется теперь государственной властью. Современное государство претендует облагодетельствовать плательщиков налогов помимо их воли, иначе нельзя объяснить ни принудительность налогов, ни ту упорную борьбу между стремлением государства брать больше и стремлением подданных давать меньше, историческую закономерность которой выявил Янжул.

Если „налоги, это доля расходов на общественные службы, требуемая с каждого гражданина“, то из этого логически следует, что все общественные службы должны быть одинаково доступны для всех и стать бесплатными. Ведь нельзя же вторично требовать плату за то, что уже раз оплачено.

Этот строго последовательный, но утопичный по своей оторванности от действительности, вывод сделала Октябрьская революция, начав проводить в жизнь бесплатность почты, телеграфа, железных дорог, трамваев, жилищ, освещения, отопления, одежды, вплоть до питания. Государственный коммунизм, это — доведенное до своих конечных выводов начало монопольного права государственной власти на общественные службы, — право, признаваемое за ней решительно всеми политическими партиями. Несправедливо, поэтому, умалять значение после-октябрьских коммунистических мероприятий, приписывая их происхождение исключительно военной обстановке, как это теперь делают многие официальные публицисты. Над Октябрьской революцией парил возвышенный идеал государственного коммунизма, — идеал, лелеянный долгими годами социал-демократической пропаганды. Если государственно-социалистические иллюзии разбились о действительность, то нужно иметь мужество признаться в этом. Весь грех правящей партии заключается в том, что она уверовала в „высшие цели существования государства“ и попыталась претворить это в жизнь.

Между бесплатностью общественных служб для всех и всеобщей трудовой повинностью и продрозверсткой была тесная и неразрывная связь. „Если все граждане одинаково пользуются выгодами общежития, то справедливость требует, чтобы и лишения, жертвы, которые они приносят государству, распределялись между ними равномерно“. Именно это справедливое положение, проповедуемое даже не социалистом проф. Янжулом (упом. соч.,

стр. 214) Октябрьская революция пыталась провести в жизнь.

Прежде всего, подобно Великой Французской Революции, она упразднила все косвенные налоги, как самые несправедливые, так как они, как мы видели выше, обратно пропорциональны достатку плательщика. Затем Октябрьская революция провела в жизнь самую справедливую систему обложения, признаваемую всеми передовыми экономистами — прогрессивно-подоходный налог, доведя его до предельных размеров, до отбирания всех „излишков“. Ибо, „из двух вещей одно: или прогрессивный налог должен настолько быстро увеличиваться, чтобы поглотить весь мало-мальски значительный доход; или же он должен увеличиваться медленно, и в таком случае это — налоговая игрушка, своего рода ванька-встанька, которым, по выражению Прудона, забавляют народ“, говорит Леруа Болье (упом. соч., стр. 183). Октябрьская революция не захотела забавлять народ и провела налоговую разверстку вплоть до отбирания мало-мальски значительных доходов.

„Проведя начало прогрессии до конца, мы, конечно, дойдем до отрицания труда и собственности“, — пишет проф. Янжул, сам сторонник этой налоговой системы, — „до отрицания, имевшего место в учениях социалистов и республиканцев первой французской революции. Так, в эпоху террора в 1795 г. Робеспьер, незадолго перед своим падением, издал закон, по которому доход в 1.000 фр. составлял минимум, свободный от обложения, доходы до 10.000 фр. подлежали прогрессивной подати, сверх же 10.000 фр. весь излишек конфисковался в пользу государства“ (Упом. соч., стр. 220).

Таким образом, система отбирания „излишков“ находит свое теоретическое обоснование у экономистов, признающих государственное начало, она имела прецедент в Великой Французской Революции и является логическим выводом из теории государственных налогов. Это — самая справедливая система налогов. Если же на деле теория оказалась
. насилием, то в этом нужно винить не людей, искренно стремившихся из центра провести ее в жизнь, а самую сущность принудительных налогов.

При старой экономической политике большевизм был *enfant terrible*, дитей-проказником государственной идеологии, и не буржуазным политикам сетовать на людей, осуществлявших идеал государственности.

Потерпев крушение на попытках организовать общественные службы на самых справедливых началах, — т.е. бесплатности и общедоступности, — и провести в жизнь самую справедливую систему налогов — полную отмену косвенных обложений и строгое проведение прогрессивно-подоходного налога, — Октябрьская революция повернула свой ход на проторенный путь современной, исторически сложившейся государственности.

Современные же государства, пишет Леруа Болье, „калеки, которые могут двигаться лишь на двух костылях: на прямых и косвенных налогах“ (упом. соч., стр. 364). Наше социалистическое государство подобрало эти два костыля, один из которых оно так неосторожно отшвырнуло от себя, и поплелось по извилистому пути эволюции.

Это-то и называется новой экономической политикой.

Чтобы стать на прямой путь революционного развития, нужно, следовательно, отбросить все прямые и косвенные налоги, с присущей им „неустранимой долей неравенства, притеснений и произвола“ и перейти к добровольной, кооперативной организации общественных служб. Но тогда государство, потеряв всякий предлог для своего существования, должно будет исчезнуть. А „пока государство, вооруженное налогами, будет существовать, освобождение пролетариата не сможет совершиться никаким образом — ни путем реформ, ни путем революции. Потому что, если революция не раздавит это чудище, то она сама будет им задушена, и в таком случае она сама очутится на службе у монополии, как это случилось с революцией 1793 года“ (П. Кропоткин, „Современная наука и Анархия“**).

- Читатели сами поймут, что ссылаясь на этот факт, мы не имеем в виду дискредитировать советскую власть, которая с достойной похвалы откровенностью признает в официальном органе недочеты системы.

** Нужно надеяться, что русская революция учтет в конце концов это предупреждение нашего учителя.

Версия #2

Зверобой создал 8 августа 2025 15:27:19

Зверобой обновил 8 августа 2025 15:42:33